

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из исторической записки Святителя Иннокентия (Вениаминова) «Нечто об Амуре», содержащей подробное описание реки и ее берегов и оценку их пригодности для заселения русскими. Исследование стратегически важной для России территории, проведенное миссионером Иннокентием во время его участия в сплаве по Амuru в 1856 г., представляет собой экономический и геополитический обзор и содержит измышления Святителя о возможных сферах деятельности, о промыслах, характере и условиях бытования будущих переселенцев. Записка «Нечто об Амуре» позволяет достаточно наглядно представить те территории и те природно-климатические условия, в которых спустя несколько лет начали жить, трудиться, развивать регион сотни переселенцев.

УДК 266.3

Д. Н. Павлова

Благовещенск, Амурский госуниверситет

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ И АМУРСКИЙ КРАЙ

В статье изложены основные вехи миссионерского пути Святителя Иннокентия (Вениаминова), наиболее значимые для российской геополитики и истории русской православной церкви. Приведены фрагменты из составленной им исторической записки «Нечто об Амуре».

Ключевые слова: святитель Иннокентий (Вениаминов), миссионерство, русская православная церковь, Дальний Восток, Амурская область.

D. N. Pavlova

Blagoveshchensk, Amur State University

ST. INNOCENTII AND THE AMUR REGION

The article focuses on the milestones in the missionary path of St. Innocent (Veniaminov), which mostly formed the mainstays of Russian Orthodox Church. The fragments of the historical note «Something about the Amur» compiled by him are given below.

Keywords: St. Innocent (Veniaminov), missionary work, Russian Orthodox Church, the Far East, the Amur region.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.10

«Если проложить на карте пути неутомимого миссионера, протяженность этих путей окажется гораздо большей, чем даже у апостола Павла»
Игумен Арсений (Соколов)

«Въ самом дѣлѣ, всѣ мои путевые подвиги состоятъ именно только въ томъ, чтобы двинуться съ мѣста, т.е. рѣшиться сѣсть въ повозку или на судно; а тамъ –

еслибы и захотѣлъ воротиться, да ужь нельзя;
а кто жь не захочеть рѣшиться и въ комъ
не достанеть на то силы, когда того требуетъ
дѣло или долгъ?»

Святитель Иннокентий, митр. Московский
Автобиографическая записка (1879 г.)

Среди служителей церкви немало тех, кто своей миссионерской деятельностью повлиял на историю земли русской. Одной из значимых фигур в контексте политической ситуации на Дальнем Востоке во второй трети XIX в. был митрополит Иннокентий Попов-Вениаминов (1797–1879 гг.). Изучению его миссионерской деятельности, обзору написанных им речей, писем, поучительных текстов, исторических записок посвящено огромное количество книг и статей. Со ссылками на некоторые из них в настоящем материале представлен краткий обзор его историко-религиозного пути.

Необыкновенная жизнь святителя Иннокентия, его великое архипастырское служение, духовно-просветительская деятельность от Петербурга и Москвы до Камчатки и Алеутских островов вызывают интерес и спустя почти два века. Привычка святителя Иннокентия к переездам, к походной жизни, его энергичность, неприхотливость в быту, внимание к простым людям и безусловная убежденность в необходимости миссионерского труда вели его по территориям, становившимся местами его христианского служения. Аляска, республика Якутия, Камчатский край, Забайкальский край, Амурская область, Хабаровский край, Приморский край, Иркутская область – и сегодня на этих территориях помнят и чтут святителя Иннокентия, миссионера, чье служение можно определить как служение не только для церкви, а во благо людей.

Свою миссионерскую деятельность он начал в 1824 г. на Алеутских островах. Истинно вовлеченный в дело своей жизни человек, он не только своими руками строил храмы, проводил богослужения, крестил людей, но и обучал аборигенов ремёслам – столярному, плотницкому, кузнечному делу, построил дом для сирот, открыл школу и сам в ней преподавал, изучил несколько местных диалектов и, понимая, что местное население может усвоить христианские заповеди именно на родном языке, на базе кириллицы создал алфавит для языка алеутов, впоследствии записал им некоторые библейские тексты, а также местные обычаи и предания [1].

Не имеющий профессионального научного образования, святитель Иннокентий проявил себя и как ученый-натуралист: находясь на Аляске, он составил описание географических и этнографических особенностей местного населения – «Записка об островах Уналаш-кинского отдела»: им описаны климат, растительный и животный мир островов, детали быта и культуры алеутов, в том числе их сказки, предания, песни, игры. Сказано там, в том числе, и о промысле китов и котиков на Алеутском архипелаге, причем именно по совету святителя промышленники русско-американской компании стали учитывать периоды размножения животных для сохранения популяций.

Шестнадцать лет, проведенных им в суровом крае – Русской Америке, оказали влияние на быт и культуру местного населения. Благодаря вниманию и заботе Святителя и после продажи Аляски в 1867 г. на Американском Севере сохранилось влияние русской право-

славной церкви: в Сан-Франциско была создана алеутская епархия [2]. Северные и восточные территории государства Российского архиепископ Иннокентий также узнавал во многочисленных и беспрестанных поездках; ни морозы, ни трудности кочевого быта не останавливали его в достижении целей – обращении в христианство многочисленных местных народов, помощи в создании приемлемых бытовых условий священнослужителям и представителям своей разноплеменной паствы, укреплении государственных границ.

С 1840 г. служа в Якутской епархии, заботящийся о своей многочисленной пастве владыка вместе с другими миссионерами занимался переводом на якутский язык Священного Писания и богослужебных текстов для отправления служб в якутских церквях, составлял поучения на якутском языке, а в 1853 г. учредил Комитет для перевода церковной литературы, благодаря чему начали печататься духовные книги, а также азбуки и грамматики для малых народностей Российской империи. Где бы ни находился Святитель, его целью никогда не была «русификация» местного населения. И именно перевод богослужения на язык аборигенов способствовал распространению православия на вверенных ему территориях [3]. Преосвященный владыка следил за тем, чтобы при строящихся часовнях и храмах открывались приходские школы, где детей и взрослых обучали читать и писать на своём родном языке. Внимание архиепископа распространялось и на организацию обучения и ведение экономических дел в духовных семинариях и училищах, и на состояние церковных домов в тех поселениях, которые он посещал.

Совершая поездки по Охотскому побережью, Камчатке, Чукотке, Аляске, Курильским, Командорским, Алеутским островам (в 1852 г. Якутский край был включен в Камчатскую епархию), архиепископ Иннокентий вникал в детали быта северных народов. Знал он и о том, что странствующие торговцы за бесценок выменивали у местных пушнину, вгоняя их в долги, заставляя бедствовать. Именно благодаря его рапортам, запискам, письмам и содействию генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва ситуацию удалось изменить. Проект развития животноводства на Камчатке (по настоянию святителя на Камчатку был завезена первая партия коров), предложения по изменению транспортной схемы, по организации паромного сообщения с материком были составлены святителем Иннокентием и способствовали развитию полуострова [4; с. 85].

Особую роль сыграл архиепископ Иннокентий и в освоении Амурских земель. Присоединение и развитие Приамурья и Приморья, стратегически важной для Российского государства территории, происходило при благословлении и постоянном содействии и участии святителя Иннокентия. На русском Дальнем Востоке в середине XIX в. необходимо было укреплять позиции России, защищая территории от экспансии Великобритании и Франции. Именно тогда, еще до официального включения Приамурья и Приморья в состав Российской империи, религиозная и дипломатическая деятельность Святителя Иннокентия способствовала усилению позиции церкви на Дальнем Востоке и подготавливала местное население (за счет его христианизации) к переходу под административное и социокультурное влияние России.

В 1856 г. архиепископ Камчатский Иннокентий принял участие в сплаве по Амуру, организованном Н. Н. Муравьевым. Именно в ходе этой поездки во время остановки в станции Усть-Зейской в присутствии архиепископа был заложен храм в честь Благовещения

Пресвятой Богородицы, а станице был присвоен статус города и дано имя Благовещенск – в память Иннокентия, который в сане священника служил в Иркутске при Благовещенской церкви. «Нынѣ появляется въ газетахъ оспариваніе этого факта, и наименованіе г. Благовѣщенска стараются произвести изъ другого начала. Не трудитесь! Я былъ очень близокъ, какъ духовникъ, къ графу Амурскому, и слышалъ изъ устъ его, что Благовѣщенскъ наименованъ въ честь архіепископа Иннокентія», – писал, со ссылкой на воспоминания современника архиепископа – протоиерея Прокопия Громова, в одной из первых книг, посвященных деятельности Иннокентия Вениаминова историк И. П. Барсуков [5].

В ходе экспедиции по малоизвестной тогда реке святитель Иннокентий, обладавший литературным даром, вёл записи о посещённых им территориях, описывал нравы и обычаи встреченных им людей. Эти тексты спустя несколько лет в числе прочих записок, писем, статей, заметок, рапортов, донесений, путевых журналов митрополита были оформлены И. П. Барсуковым и вышли в свет в 1886–1888 гг. под названием «Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского» [6]. Среди опубликованных в трехтомнике текстов – предлагаемая ниже вниманию читателей составленная в 1856 г. записка «Нечто об Амуре», в которой Иннокентий определяет цели и перспективы освоения новых для государства территорий, предлагает методы переселения семей казаков и старообрядцев и описывает подходящие для этого районы. В тексте Святитель ссылается на географическую записку, составленную ботаником Карлом Ивановичем Максимовичем, изучавшим флору в низовьях Амура в 1954–1955 гг. Святитель Иннокентий существенно дополняет и конкретизирует приведенную Максимовичем информацию, описывая территории, заселенные местными народами: гиляками, манеграми, мангундами, гольдами. Взгляд Святителя замечает особенности климата и флоры, пригодные для садоводства и даже пчеловодства (*«богатейшее и обширнейшее место для посева всяких овощей и даже для разведения садов»*), и огромные территории заливных лугов, что как нельзя лучше подходит для разведения скота, и пространства для выращивания хлеба (*«одни хлебопашцы, которые поселятся в первой части Амура. т. е. с вершины оного до Зеи и по Зее, могут прокормить хлебом не один миллион народонаселения»*). Как рачительный хозяин, Святитель отмечает удобство судоходного сообщения, обилие леса для построек и *«дровяного леса»* для обогрева домов, многочисленные реки и речушки, обеспечивающие население питьевой водой [7]. С 1862 г. эти территории в определенном смысле также перешли в ведение архиепископа Иннокентия: он переехал в Благовещенск, и с этого времени его духовные труды были связаны с поездками с миссионерскими наставлениями по новообретённой области, со строительством храмов и расширением епархии.

Как человека, который не только занимался миссионерским трудом, но и участвовал в решении дипломатических и экономических проблем, Святителя Иннокентия Вениаминова по праву можно приравнять к государственным деятелям. За самоотверженную миссионерскую деятельность владыка был удостоен нескольких высоких орденов, в том числе ордена Святого князя Александра Невского – одной из высших наград Российской империи. Весь жизненный путь святителя Иннокентия говорит о духовной и интеллектуальной силе этого человека, о его самоотреченном служении людям и государству Российскому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX – начала XX века: материалы IV межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 8–10 сент. 2017. Иркутск: ИОГУНБ, 2017. 200 с. – Режим доступа: https://irklib.ru/Svyatitel_Materialy_IV_Konferentsii.pdf
2. Гладких Т. Простой странник // Словесница Искусств: региональный культурно-просветительский журнал. 2017. № 1 (39). – Режим доступа: <http://www.slovoart.ru/node/2283>
3. Игумен Арсений (Соколов). Миссионерский подвиг святителя Иннокентия [Электронный ресурс] // Правмир. 6 октября. 2010. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/missionerskij-podvig-svyatitelya-innokentiya/>
4. Первопроходцы: Сборник / Сост. Л. Демин. М.: Молодая гвардия, 1983. 352 с. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/pervoprohodcy_dyomin
5. Свт. Иннокентій, митр. Московскій. Рѣчь, сказанная въ г. Благовѣщенскѣ графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, послѣ молебна по поводу присоединенія Амурскаго края, 18 мая 1858 года // Творенія Иннокентія, митрополита Московскаго. Книга первая. – Собраны Иваномъ Барсуковымъ. – М.: Въ Синодальной Типографіи, 1886. С. 144-145. – Режим доступа: http://slovo.russportal.ru/index.php?id=alphabet.y.innocent03_113#001
6. Творения Иннокентия, митрополита Московского / Собр. Иваном Барсуковым. Кн. 1–3. Москва: Синод. тип., 1886–1888. / Кн. 1. 1886. 307 с. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/tvorenija-innokentija-mitropolita-moskovskogo-kniga-pervaja/
7. Нечто об Амуре / Святитель Иннокентий (Вениаминов) // Православная энциклопедия «Азбука веры» – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/tvorenija-innokentija-mitropolita-moskovskogo-kniga-vtoraja/13

Святитель Иннокентий (Вениаминов)

НЕЧТО ОБ АМУРЕ⁷

Река Амур, одна из крупнейших рек не только в России, но даже в целом мире, – несмотря на то, что она течет в умеренном климате, на протяжении почти пяти тысяч верст, и принимает в себя множество рек с обеих сторон из коих две, текут с правой стороны, т. е. от полдня, даже оспаривают у нее первенство, – до настоящего времени и, можно сказать, даже до 1854 года, конечно, по воле Провидения, оставалась в забвенье и даже многим из соотечественников наших едва была известна только по имени. Но теперь, когда по ней сплыли два крупнейших рейса, а ныне еще третий, она возбудила внимание многих, а с тем вместе разные толки об ней. Так, напр., одни говорят: зачем занимать Амур, когда у нас без того много мест, еще незаселенных; другие называют ее неудобной к судоходству, – один из таковых едва не с клятвой уверял меня, что он слышал от бывшего на Амуре чиновника, что на нем есть непроходимые пороги; а иные, напротив, особливо из первых основателей заселений на Амуре, желая выхвалить Амур, превозносили его до чрезвычайности, увеличивая все до

⁷ Орфография и пунктуация автора сохранены.

крайности. Прошедшая война доставила случай и мне сплыть по Амуру и кое-что заметить, слышать и видеть. И с моей стороны было бы даже недобросовестно не высказать моих замечаний и мнений касательно Амура, а прежде всего – тому, кто более всех интересуется и кому более всех необходимо знать об Амуре, тем более, что все мнения и сведения слышим об Амуре, очень небеспристрастны: те и другие слишком иногда увеличивают выгоды и невыгоды, представляемые Амуром, увлекаясь своими видами.

Прежде всего следует указать на цель занятия Амура. Конечно, главная цель есть одна: т. е., приобрести во владение наше такую огромную реку и тем яснее определить границу нашу с Китаем. Но цель эта совмещает в себе множество разных целей, частных и общих, отдаленных и ближайших.

Цель занятия Амура, Русскими: а) отдаленная. Главнейшая и важнейшая из отдаленных целей занятия левого берега реки Амура (о правом я не говорю как о чужом) на всем протяжении его, по мнению моему, есть та, чтобы благовременно и без столкновения с другими державами приготовить несколько мест для заселения Русских, когда для них тесно будет в России, а это может быть очень в непродолжительном времени, потому что число рождающихся против умерших, по одним только православным метрическим сведениям, ежегодно превышает более нежели пятьсот тысяч – а места по Амуре, начиная почти от Стрелочного караула и до самого устья Амура, представляются удобными для поселения; а между тем, самая река представляет большое и важное, удобство для сообщения Сибири с океаном. Эта цель занятия Амура многим (с кем мне случилось об этом говорить) кажется новой и странной, и это конечно оттого, что они не совсем знают количество народонаселения, ежегодно у нас, возрастающего и которое, при обыкновенных обстоятельствах, должно возрасти со временем уже более, чем по полумиллиону в год; и притом им кажется, что у нас в России, и особенно в Сибири, еще премножество мест, которые можно и должно населять. <...>

Много ли и в самой России мест, удобных для заселения и еще не заселенных, особенно таких, которые бы с первого раза представляли удобства. для сообщения, – удовлетворительно сказать не могу; но положим, что и много; но чрез 30–40 лет заселятся и там, а потом куда девать избыток? За 200 лет и даже менее, кто мог думать, что из Германии и Ирландии должны будут переселяться люди в Америку? – Следовательно, занятие Амура, т. е. заблаговременно приготовить место для будущих поселений, отнюдь не лишне и не безрассудно; напротив того, надобно это как можно скорее, дабы кто-нибудь из Европейцев не предупредил нас; а тогда без ссоры и без войны нельзя уже будет занять Амура.

б) Ближайшая цель. Из ближайших целей занятия Амура есть – снабжение Камчатки и других приморских и заморских наших мест хлебом и другими Сибирскими и отчасти Русскими произведениями, – снабжение путем удобнейшим, вернейшим, и дешевлешим, чем чрез Охотск на Аян, и даже чем вокруг света. Честь России (о других причинах не говорю) не позволяет бросить Камчатку и прочие приморские места, хотя они слишком дорого стоят казне и никогда не в состоянии будут окупать не только всех издержек и жертвований казны, но даже и одних только пенсий, производимых служившим там, а между тем они не в состоянии прокормить даже своих жителей без подвоза из других мест; ибо не говоря уже об Охотском и Гижинском округах, в которых решительно никогда не может быть хлебопаше-

ства, по грубости климата и почвы и по близости моря, но даже и в самой Камчатке (где по реке сего имени, точно есть несколько мест, которые при усиленной разработке могут производить хлеб), при всех усилиях и пожертвованиях со стороны правительства, хлебопашество не может развиваться в удовлетворительном размере, и главное потому, что жители оной всегда будут в состоянии покупать не только хлеб, но и чай и потребности, даже до роскоши, на свои соболи, которые, при некоторой предосторожности, никогда не переведутся в огромных и пространных хребтах, едва только в некоторых местах доступных, и то одним промышленникам, и особливо когда хлеб в Камчатке, доставляемый по Амуру, будет стоить втрое дешевле, а со временем и еще дешевле.

О других целях занятия Амура, тоже весьма немаловажных, как-то: возможности сбыта произведений Сибири, – на первый раз хотя сырые кожи, возможности заведения легкого флота, т. е. который бы имел углубления не более 12–14 футов и проч. не мое дело говорить. Скажу только, что занятие Амура, даже при небольшом заселении берегов оно, скоро и сильно может развить деятельность в Забайкальском крае.

Вопросы. Когда обозначена цель занятия Амура, тогда сами собой рождаются многие вопросы, напр.: а) Удобен ли Амур для судоходства? б) Удобны ли берега его для заселения? в) Где первоначально сделать заселения? г) Кем заселить и заселять, и какими способами? и проч. На последний вопрос отвечать могут только администраторы и знающие политическую и отечественную экономию люди.

а) *Удобен ли Амур для судоходства?* Лучшим ответом на это может быть то, что уже три года по нем сплавляли баржи с большими грузами, сидящие от 2 1/2 до 4 футов в воде, и наконец пароход «Надежда», сидящий до 4 1/2 футов, поднялся вверх не только до начала Амура, но даже по Шилке до Сретенска, находящегося выше Шилкинского завода в 70 верстах. Конечно, баржи и самый пароход сидели на мели; но это не от недостатка воды, а от незнания фарватера. Грунт в Амуре почти везде или песчанен, или илист; течение в нем самое большое – не более 8 верст в час, а во многих местах от 5 до 2 верст, в так называемых «щепях». В Хинганском хребте, хотя течение самое быстрое и берега каменисты, но для плаванья совершенно безопасны; тут можно плыть во всякое время. правда, берега не везде удобны для пристанища. Но во избежание неудобств, могущих быть при этом и во многих случаях, весьма хорошо иметь якоря на всякой барже. б) *Удобны ли (левые) берега Амура для заселения?* Все сведения, какие имеются теперь об этом, еще весьма поверхностны, не исключая даже и гг. ученых, путешествовавших на Уссуре. К сожалению, в настоящее время я имею под рукой только записку одного из означенных путешественников, г. Максимовича. Всякий, кто только ни проплывал по Амуру, не может не сказать, что на берегах Амура, начиная почти от Стрелки и до Лимана и далее, почти решительно нет места, где бы не мог жить или хлебопашец, или скотовод, или огородник и даже садовод, или рыболов, или дровосек. А сколько таких мест, которые с первого взгляда всякому представляют все удобства для заселения со всеми хозяйственными заведениями!

Но при всем том, этот вопрос, и прежде всех, требует основательного и беспристрастного решения. Для этого необходимо послать особую экспедицию из людей специальных, *опытных*, в числе коих должны быть, между прочим, и лучшие, и опытные хлебопашцы из крестьян и скотоводы из знающих это дело. Экспедиция эта должна, во-первых, осмотреть

весь левый берег вдоль, начиная от Албазина до последних хребтов, пред Кизи, а поперек – от берегов материка Амура до хребтов, неудобных к заселению; во-вторых, указать прямо на места, где хлебопашество может развиваться *быстро* и где – *со временем*, как это сделал г. Максимович в своей записке, – относя к первым Уссурийскую долину, в 30 верстах выше устья оной, а к последним некоторые места на Амуре, – и тогда сам собой решится второй вопрос, т. е. где прежде, всего нужно и удобно сделать заселения. Прежде нежели я могу сказать что-либо от себя в ответ на вышеозначенный вопрос, я скажу, что оба берега Амура, включая одного Китайского, или правильнее сказать, Манчжурского города Айгуна (сахалин улахотон) с несколькими близь его лежащими селениями, можно сказать, не заселены и ждут переселенцев; ибо что значить несколько десятков домиков и шалашей и, по предположению г. Максимовича, 1500–2000 человек, разбросанных по обеим берегам от Айгуна, и до последнего хребта пред Кизи? От стрелки же до Айгуна приветствующие Минегры составляют самую ничтожную часть населения, если только можно назвать населением несколько берестяных юрт. От Кизи до устья и по лиману обитающие Гиляки и Мангунды своим и небольшими селениями могут еще показывать, *что берега не пусты*, и все это население находится большей частью на правой, т. е. не на нашей стороне Амура. Из 100 деревень Гольдов, обитающих на пространстве 700 верст, на левом берегу только 29, по замечанию г. Максимовича.

Но и все это население, взятое вместе и с городом, что значит на таком огромном пространстве, какое занимает Амур от начала до конца своего? Оно только может служить одним из первых и важных доказательств тому, что на Амуре климат и воздух не вреден для человека, и это так должно заключить и по записке г. Максимовича, где он говорит, что хотя левый берег Амура низкий, и на большое пространство; но это пространство изрыто рукавами реки и большей частью понимается водой, следов. все глухие протоки и озера ежегодно освежаются свежей водой. <...>

Мнение же мое, какое я в проплаве мой по Амуре мог составить о том, вот какое. Амур в вершине своей хотя сжат горами так же, как и Шилка, но уже при самом начале своем. т. е. у самой Стрелки, представляет на левой стороне место для заселения удобнее и пространнее, чем на самой Стрелке, или в Горбице, и даже и выше по Шилке, почти до Сретенска, таких мест немного⁸. Но чем ниже (по Амуре), тем более и чаще попадаются места для заселения, сначала для двух, трех семейств, а потом – для пяти, десяти и двадцати, как напр. по реке Невир, а на месте около бывшего Албазина (не говоря уже о самой реке Албазихе, текущей по обширнейшей долине, простирающейся в вершине за горизонт) может существовать уже не одно село. Горы здесь отделились от берега на довольно большое расстояние; а ниже Албазина чем далее, тем еще более и чаще встречаются удобные для заселения места, одни других обширнее и на взгляд лучше. Только в больших изгибах реки, около 2-го Китайского караула, места потеснее. Но и тут найдутся места для небольших селений от изгибов. Горы

⁸ Хребты и горы, лежащие между Шилкинским заводом и Стрелкой, с одной стороны примыкающие к Становому хребту, а с другой переходящие чрез Аргун в Китай составляют единственную границу между Забайкальской областью и Амурским краем, где сообщение может быть зимой и летом по одним только рекам Шилке и Аргуни, – другого пути, кажется быть не может. *Прим. Автора.*

невысокие и покрытые кустарниками и березником, и часто отходят от берегов, оставляя обширные низменности.

Особенно прекрасное и лучшее из всех, по мнению моему, для заселения хлебопашцев место – пред последними горами, находящимися пред устьем Зеи и подходящими к берегу. Тут, по-видимому, может существовать несколько больших селений; ибо равнина, идущая по берегу верст на 60 или 70, внутрь простирается верст на 15 или 20 и верхними изгибами своими едва ли не доходить она и до самой Зеи; невысокие горы с прилежащими или отдельными холмами, окружающие сию равнину, покрыты листовым лесом, а на холмах большей частью виден один только березник; а там, где березник, обыкновенно бывает чистый и лучший чернозем. Ранних морозов здесь вообще бояться, кажется, нечего; скорее хлебопашец может терпеть от засухи. Но травы, растущие по берегам, отчасти доказывают, что и засуха здесь не совсем вредит.

Пред устьем Зеи, на подошве последних гор, лежащих от самого устья верстах в 10 или 12, прежде всех должен быть город и не менее как губернский, который сверх значения своего вблизи Айгуна и заведывания местами вниз по Амуру, может командовать верховьями Амура и Зеи, тоже, по всем вероятностям и по рассказам бывших на ней миссионеров, не на одну сотню верст вверх от устья способна к заселению и хлебопашеству, и которая, протекая большое пространство между отрогами Станового хребта и принимая в себя с левой стороны значительную реку Селимджа, а с правой идущую в параллель с Амуром безымянную (р. Ур), едва ли не богаче всех строевыми сосновыми и лиственничными лесами. Следовательно, город этот может пользоваться произведениями обеих рек. Луг, лежащий на стрелке между Зеей и Амуром и примыкающий к вышеозначенным последним горам, представляют богатейшее и обширнейшее место для посева всяких овощей и хлебов⁹ и даже для разведения садов. Вышеозначенные горы, названные мной «последними», в самом деле могут так называться, потому что от них и до самого Хинганского хребта на берегу Амура нет гор; по крайней мере, с лодки не видать было, тогда как с той же точки на правой стороне видны горы почти на всем протяжении, то отдаляющиеся, то приближающиеся к Амуру; только с левой (а может быть, и с правой) стороны р. Буреи видны вдали невысокие горы, а близ устья оной небольшое возвышение. <...>

Итак, после всего вышесказанного, на первый вопрос, т. е. удобны ли При-Амурские места для заселений? – я могу сказать, что не говоря уже о правом берегу, как не нашем (впрочем, я полагаю, только до предпоследних гор пред Кизе), «*левый берег почти весь, от вершины до лимана, удобен для заселения, сначала до устья Зеи – преимущественно хлебопашцами, оттуда до последнего хребта, пред Кизе, если не хлебопашцами, то скотоводами, а наверное – теми и другими (то же можно сказать – до Кизе) и наконец – скотоводами, к самому устью Амура. Климат и воздух, видно на жителях, везде здоров.*

Сообщение рекой летом, как показал уже трехгодичный опыт, безопасно и будет весьма удобно и на баржах, и на пароходах мелко сидящих, когда будут лоцмана из самих жителей переселенцев. *Леса для построек* найдутся везде. Горы, сопровождающие Амур в начале верст на 400, изобилуют хвойным лесом. То же можно заключить и о берегах Зеи, в

⁹ На месте, где г. Хилковский стоит лагерем, выше устья в 5 верстах, почва самая черная и мягкая, как это видно было на огороде, где посажен картофель. *Прим. Автора.*

вершине и даже до половины и ниже. На Хинганском хребте, не говоря о лесах лиственных, немало кедра; о последней части Амура, т. е. от последних гор пред Кизе и далее, и говорить нечего: горы все (а их премножество) покрыты хвойным лесом. Правда, на большей части берегов Амура, т. е. на равнинах и возвышенностях от Зеи до Хинганского хребта и от него до последних гор пред Кизе – строевого леса не видать, выключая весьма немногих мест. Но быть не может, чтобы хвойного леса не было и на горах, к которым примыкаются означенные долины и возвышенности, если не на самых подошвах их, то по речкам и на хребтах. Но за то *дровяного леса*, считая таковым тальник, ивняк и тополь, по всем берегам островам весьма много.

Что же касается до последнего условия для селений, т. е. *воды для пищи*, то, не смотря на то, что в Амуре впадает множество разных и различных речек, вода в нем, хотя и не прозрачна, но безвредна, как это доказывают новые поселения; а между тем у тех селений, кои расположатся при горах, почти везде будут особые ключи, ручьи и речки.

Мест для расположения селений, говоря вообще, при самом берегу – везде, но и не мало. От начала и до устья Зеи берега почти везде для этого удобны, несколько селений могут быть по ту и другую сторону Хинганского хребта и отчасти между горами, в первой половине оною. Также не мало найдется удобных для этого мест по ту и другую сторону последних гор пред Кизе и на протяжении оных; а быть может, и на самых равнинах найдутся места для того удобные, и не слишком далеко от реки.

в) Где первоначально сделать заселения? Чтобы заселить Амур на всем его протяжении только в том размере, чтобы можно было устроить по нем обыкновенный почтовый проезд, потребуется устроить более сотни одних только почтовых станций; и, следовательно, потребуется отыскать заселить более, сотни мест. Но не по всем местам могут существовать одних только станций, в некоторых и даже во многих местах нужны будут при них целые селения; иначе не найдется средства к содержанию самых станций; а, чтобы устроить все это в два, три года, потребны сильны меры и огромные средства. И потому, оставя до благоприятного времени учреждения настоящих почтовых станций и устройство многих селений вдруг, сначала, по мнению моему, надобно заселить только места, которые впоследствии (и прежде других) могут и должны иметь свое значение в каком-либо отношении, т. е. или административном, или хозяйственном, или торговом. Первое место, которое должно быть заселено, и как можно скорее и прочнее, по мнению моему, есть то, на которое я указывал выше, где и может и должен быть город, т. е. пред устьем Зеи; в то же время необходимо сделать заселения пред Хинганским хребтом, или за оным и пред последними горами пред Кизе, а затем при устье Буреи, на Албазине и около Камарского караула, а также вблизи рек Сунгури и Усури. В первых трех местах, или по крайней мере в двух первых, между прочим, может со временем сосредоточиться управление частями Амура, и, следовательно, могут быть города, а в прочих местах или около них может быть разводимо хлебопашество и скотоводство.

г) Кем заселять Амур и каким способом? Если главной целью заселения Амура будет та, которую я указал в начале сей записки, т. е. приготовить несколько мест для поселения Русских из Европы: то само собой разумеется, что *самая большая часть, переселенцев на Амуре должна быть из Европейской России, а не из Сибири.*

А чтобы заселение Амура было прочно, было бы надежно и достигло возможного благоустройства, надобно, по мнению моему, заселить его так же, как в первые времена заселена была Сибирь, в которой самое прочное, лучшее и полезное население, как известно, составилось переселениями в Сибирь почти целых селений в зачет рекрутства и изгнанием нескольких семейств раскольнических за Байкал. Эти переселенцы, придя в Сибирь, принесли с собой все свои, общие всем обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменилось почти одно, только место, – а общество, т. е. их соседи, те же, что были и в России. Следовательно, начать иной порядок, иной образ жизни значило идти против общего мнения, – этого великого двигателя обществ, гражданств и царств. Если бы Сибирь заселялась так же, как она населяется в последнее время, т. е. одними ссыльными и заезжими с разных концов России гражданами, и чиновниками, между коими нет и не может быть почти никакого единства, кроме получения выгод; то какие бы меры ни принимало правительство для блага Сибири, Сибирь, без вышеозначенных двух важных в гражданском отношении элементов, никогда бы не могла достигнуть настоящего благосостояния¹⁰.

И потому если населять Амур хотя и не ссыльными (которых, по мнению моему, там не должно быть решительно ни одного: иначе, как раз будут неприятности с соседями нашими), но семействами, набираемыми в разных губерниях и селениях; то население это плохо и не быстро пойдет к своей цели, – по разномыслию, по различию наречий, обычаев и проч., а главное – потому, что добрый честный и трудолюбивый крестьянин без особенно сильных причин не скоро захочет переменить место своей родины, оставить своих родных и проч. Следовательно, здесь без некоторого насилия обойтись будет нельзя. Семейства, которые были посланы в Сибирь на поселение в зачет рекрутства, конечно, оставляя свою родину,

¹⁰ Которое, впрочем, надобно сказать правду, пошло уже назад; причин тому очень много, из коих суть: преизбыток ссыльных, т. е. безнравственных и привыкших к праздности людей; излишек заезжих чиновников, имеющих в виду одни только свои выгоды, чины и пенсии и, за глазами начальства, позволяющих себе все... Много ли можно найти теперь, из чиновников, имеющих влияние на крестьян – этот главный элемент народного быта – таких, которые бы, во время пребывания своего между ними, подавали бы собой пример благочестия, набожности, уважения к церкви и пастырям, которые бы строго соблюдали посты – эту главную узду своеволия простого (да и не простого) народа, – которые бы поощряли нерадивых к деятельности своей благоразумной деятельностью и проч., и проч.? Не напротив ли этого все делается!.. Следов., можно ли после всего этого удивляться, что народ делается хуже, тогда как притом, они видят и знают, что нехристианские и недобрые действия их начальников не только преследуются общественным мнением в городах, но, напротив, заимствуются оттуда!.. Главная причина всех зол, не только крестьянских и гражданских обществ наших, но и всей России, есть преимущественно то, что люди потеряли страх Божий, а к этому первой ступенью было нарушение постов. Так называемая ныне честь никогда не заменит страха Божия не только в простом народе, но и в тех обществах, где ей так дорожат... Еще причина, и очень немаловажная: это – отнятие у приходских священников власти над своими прихожанами. Ныне никто уже, даже и дети, не боятся своих пастырей. Следов., теперь для мужиков нет никакой узды, воздерживающей их от пороков. Прежде было не так. Мой дед (а потом дядя) был строг к своим прихожанам; не говоря уже о выговорах и угрозах, он своей властью налагал публичные епитимьи на начинающих развращаться, без всяких представлений по начальству: ибо это было общее у всех и, быть может, это было одной из причин того, что в кабаке, давно уже существующем в селе нашем, вина в целый год выходило не более бочки, и кабак всегда был пуст (это я сам знаю); но ныне тот кабак процветает, посетителей в нем всегда довольно, даже и во время полевых работ, и расходов вина возрос почти в 50 раз более прежнего. Такой власти нынешние священники, и не только они, но и выше их, не имеют; ибо вышеозначенные действия священников не согласны с духовным Регламентом. *Прим. Автора.*

плакали и были оплакиваемы; но эти слезы давным-давно уже иссякли; в пустынях Сибири процветают селения и затем города. Но все это еще впереди, и быть может, еще далеко, – а теперь надобно говорить о настоящем.

До Албазина, на Албазине и далее до Зеи, кажется, первоначально могут поселиться новые Забайкальские казаки, из бывших подзаводских крестьян; им это будет сделать и удобнее, и скорее, по многим отношениям. На прочие места пока вызывать лучших хлебопашцев из Сибири. Забайкальским раскольникам, говорят, становится тесно: можно дать и им какое-либо место или два, но так, чтобы они жили только одни.

Что же касается до тех мест, где может быть разведено преимущественно скотоводство, туда поселить один улус Забайкальских Бурят, или лучше – несколько поселегов (поселков) Якутов (которым тоже, со временем, будет тесно). Вопрос: как они переведут на Амур свой скот? можно решить так. Скот свой они весь могут отдать и передать Алекмютским золотопромышленникам, вместо которого должны будут купить им скот, за Байкалом. Сами же они могут переехать или тем путем, которым Якуты-подторговцы ездят на, Бурею, или чрез вершину Айдана перейти на Зею и по ней сплыть до места им назначенного, или лучше, ими самими выбранного, – или наконец чрез Якутск, по открытой Лене: только в этом случае они должны отправляться не из Якутска, а из Олекмы или еще выше, – иначе в одно лето не попасть на Амур; и все это, конечно, не без пособий от правительства. <...>

1856 г.